

Несколько лет тому назад антиисторические представления о закономерностях научного прогресса действительно имели место. Но в наши дни подобного рода выступления воспринимались бы как курьез, вызывающий не столько гнев, сколько иронию. Поэтому серьезная критика, нацеленная на изживание этого порока, в значительной степени уже утратила свою остроту.

Справедливо отмечая неясность противопоставления «современной и несовременной лингвистики», Р. А. Будагов указывает, что оно «проходит не по методологическим и теоретическим границам, а по чисто временному признаку». Такой вывод никак не следует из изложения взглядов тех ученых, кто полагает, что «современную лингвистику... объединяет понимание языка как системы чисто технических знаков в отличие от старого истолкования языка, которое основывалось на культурно-исторических традициях и на содержательных категориях языка». А дальше мы читаем: это «бытующее противопоставление... основывается... на методике исследования изучаемого объекта», хотя тут же сказано, что противопоставление «современная лингвистика — несовременная лингвистика переносит *principium divisionis* в чисто хронологический план». О каком же различительном признаке идет речь — о предметно-содержательном, хронологическом или методическом?

Разумеется, «лингвистическое исследование может быть остро современным и без чисто внешних признаков формализации», потому что эти признаки ничуть не придают работе недостающую научную ценность. На данной теме, может быть, не следовало бы останавливаться, если бы некоторые филологи не продолжали наивно-простоудушно верить, что применение математической символизации способно вызвать уважение к исследователю и поднять его работу на самый высокий научный урвень.

Трудно решиться безоговорочно признать целостные лингвистические концепции Гумбольдта, Потебни, Соссюра «вполне современными теоретическими». Некоторые идеи Гумбольдта в недавнем прошлом развивал Л. Вейсгербер, что не превратило их в прогрессивные и безусловно приемлемые для советской лингвистики. Концепция же, созданная Ф. де Соссюром, как известно, подверглась сейчас же после выхода в свет «Курса общей лингвистики» детализации, уточнениям и изменениям в порядке оттапливания. Историк лингвистических учений, не ограничивающий свои задачи описанием и изложением мыслей, которые выражены в текстах прежних авторов, но раскрывающий генезис тех или иных актуальных идей современной науки о языке, легко найдет и у древних ученых, философов и писателей немало идей, сохраняющих свою ценность и в наши дни, что делает эти идеи «современными», т. е. не потерявшими своего познавательного смысла. Но в таком случае понятие «современное» становится неопределенным. Ведь и методологически порочную концепцию можно назвать «актуально-современной», если она подвергается критике с позиций передовой науки, выступая своего рода стимулом, вызвавшим должную «теоретическую реакцию». Аксиома не должна быть возведена в ранг научной проблемы.

Научная критика располагает изрядным количеством фактов, показывающих, что план исследуемого объекта неправомерно смешивается с планом исследовательского процесса. «Приписывание человеку ограничений, неизбежно свойственных машине... опасно, так как в самом начале (!) резко ограничивает возможности человека и возможности его языка», — пишет Р. А. Будагов. А дальше: «формализация языка не может и не должна проводиться в ущерб самому языку во всем его многообразии». Станным было бы доказывать, что онтологический статус языка не в состоянии подвергнуться каким-либо изменениям вследствие процедур формализации. И «возможности человека» нисколько не снизятся, если кто-либо станет приписывать ему «ограничения..., свойственные машине». Диагностирование таких «опасностей» не исходит из учета реальных симп-